

Радость сердца. Фрунзе, 1957 (на инг. яз.)

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

Танкиев А.Х. Духовные башни ингушского народа: Сб. ст. и материалов о народной культуре. Саратов, 1997.

Чеснов Я. Миф о Прометее и витальные основы личности // Развитие личности. 2007. № 2.

А.-М. М. Дударов

К ВОПРОСУ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ НАРТСКОГО ЭПОСА

Кобанская культура (XII–IV вв. до н.э.), особенно типичная для горных районов, просуществовала до конца I тысячелетия до н.э., когда начали зарождаться древнейшие нартские сказания. Сопоставляя некоторые тексты древнего эпоса с предметами кобанской культуры, Л.П. Семенов замечает, что между ними много сходных и созвучных черт [Семенов 1957: 167–168]. В.Ф. Миллер нашел в нартском эпосе лишь степные сюжеты кочевых племен, но Л.П. Семенов подчеркивал «игнорирование кавказоведами» «обитателей» «горных районов» Северной Осетии, «создавших<...> замечательную бронзовую кобанскую культуру» [Семенов 1957: 167].

Е.И. Крупнов отбросил идею авторства нартского эпоса кочевниками и доказывал, что зарождение эпических песен и складывание основы героического нартского эпоса связано с материальной культурой горцев Северного Кавказа, до того как они раздробились на отдельные народности. Заметим, что подобное мнение он высказал в 1952 г. в своей работе «Древняя история Кабарды», в самый разгар сталинщины, когда потомки автохтонов Кавказа находились еще в депортации. «Очевидно, в той относительной однородности и единстве северокавказской материальной культуры, а возможно и этнической среды того времени

(до скифского вторжения) и следует видеть объяснение того факта, что даже самые совершенные циклы знаменитого нартского эпоса имеют не узко локальные, а обще-северокавказские черты». К числу народов, формировавших нартский эпос, он относит те, что занимали территорию распространения кобанской, прикубанской [Крупнов 1952: 48] и колхидской культур, при этом отмечая не только их родственность, но и единство в этническом плане — из кавказской языковой семьи, отличных от всех языковых систем мира [Крупнов 1969]. «Нартский эпос, — пишет Е.И. Крупнов в своей работе «Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа», — возник и развивался в таких районах Северного и Западного Кавказа, на территории которых на рубеже бронзового и железного веков бытовали *морфологически* (курсив мой. — А.Д.) близкие между собой так называемые археологические культуры: кобанская, прикубанская и колхидская» [Крупнов 1953: 149].

Таким образом, отбрасывая идею привнесённости нартского эпоса, ученые-кавказеды еще в сталинское время считали его результатом творчества единого в языковом плане кавказского этноса. «Героический нартский эпос — это результат самобытного (а не заимствованного) творчества сугубо кавказских племен, носителей родственных языков, развивавшихся на основе единого кавказского субстрата» [Крупнов 1969: 19–20].

Если сопоставить выводы Е.И. Крупнова и Л.П. Семенова о том, что нартский эпос начал создаваться древнейшими обитателями Северного Кавказа (в границах Северной Осетии, Кабарды и смежных с ними горных областей) и Закавказья (в границах Юго-Осетии и Абхазии) в VII в. до н.э., где бытовали вышеназванные морфологически близкие археологические культуры, что местные племена сыграли огромную роль в формировании нартских сказаний и «после появления иранского элемента» [Семенов 1957: 171–172] на Кавказе, а также провести параллель с проживанием на рассматриваемой территории родственных в этноязыковом плане племен, становится совершенно очевидно, что создание мотивов нартских сказаний относится к творчеству протонахских и близких им в этноязыковом плане племен Кавказа.

К этому же выводу пришел З.В. Анчабадзе при обсуждении «хатиагской речи» нартов во время *Всесоюзной научной конференции нартоведов в Сухуме (1963 г.)* «Этот язык <...> был языком иберо-кавказской группы, которая, по мнению многих специалистов, была родственна протохеттским языкам. <...> Исторический анализ нартского эпоса и сравнительное изучение его национальных вариантов позволяет сделать вывод о том, что географический ареал формирования нартского эпоса — это центральная и западная часть Северного Кавказа, а также северо-западная часть Закавказья (Абхазия и, возможно, некоторые районы к югу от нее)» [Анчабадзе 2011: 262].

И сегодня ученые утверждают, что «никто из приверженцев нартского эпоса до сих пор не выявил хотя бы какие-то рудименты нартского эпоса у кочевых степняков» [Дахкильгов 2012: 422]. Об отсутствии какой-либо связи нартского эпоса с ираноязычной средой пишут М.Б. Мужухоев [Мужухоев 1996: 95] и А.Х. Танкиев [Танкиев 1991: 32–34]. А.М. Гутов, «анализируя форму передачи прозой ингушских нартских сказаний, считал их близкими к архаическому мифу и мифологической сказке древнейшего типа» [Гутов 1993: 7]. О том, что «теория Абаева аланы-осетины должна быть отброшена, как явно несостоятельная», ученые отмечали еще в 1947 г. [Гарданов 1947: 246]. Однако еще находятся ученые, берущие ее за основу. Если, как заметил В.И. Чичеров, «значение ошибок В.И. Абаева усугубляется тем, что его работа явилась основой для всех других исследователей нартского эпоса, которые вслед за Абаевым встали на путь ошибочной методологии» [Чичеров 1952: 394], то «следует теперь напроць отвергнуть абаевское признание трех центров этого эпоса (осетинский, адыгский, абхазский) и подключить сюда, согласно мнению Е. Крупнова, еще и центры балкаро-карачаевский, ингушский и чеченский» и «искать автохтонные корни» [Дахкильгов 2012: 423–424].

Приведем следующий факт. В.А. Шнирельман пишет: «По решению Северо-Осетинского обкома и Совнаркома Северо-Осетинской АССР в ноябре 1940 г. под руководством В.И. Абаева и И.В. Джанаева был создан *Государственный* (курсив мой. — А.Д.) комитет, призванный руководить изучением и изданием

“Сказаний о нартах”. Ведь за отсутствием письменных источников о ранних периодах истории осетин ее создатели отводили большую роль фольклорной традиции» [Шнирельман 2007: 96]. Так изучение нартоведения было поставлено на политические рельсы. Уверен, что руководство Северо-Осетинской АССР не могло пойти на того рода финансовые затраты, если бы подобное изучение нартского эпоса не было одобрено Центром.

Отмечу, что и в 1990-е годы, говоря словами В. Шнирельмана, «едва ли не главной причиной популярности аланского мифа» являлся «территориальный вопрос» с ингушами [Шнирельман 2007: 180]. Подобной возможности «работы» над древним нартским эпосом, как у иронов, не было ни у одного из кавказских народов, как депортированных, так и не депортированных. Поэтому вся исследовательская работа в этом направлении в те годы «опиралась главным образом на осетинский материал» [Петросян 1969: 6]. Цель ее состояла в переписывании под себя нартского эпоса. В числе основных недостатков работы «Нартские поэмы», преподнесенной как осетинский нартский эпос, В.Я. Пропп называет «отсутствие документаций (где, когда, кем, от кого был записан текст). <...> В переводах поданы не элементы народной поэтики, а поэтика самого переводчика (курсив мой. — А.Д.)» (цит. по: [Кубанов 2004: 172]). Данные пробелы наводят на мысль о прямых фальсификациях.

Состояние изучения нартского эпоса в XX в. И.А. Дахкильгов охарактеризовал таким образом: «В вопросах изучения нартского эпоса <...> иная картина сложилась у балкарцев, ингушей, карачаевцев, чеченцев в результате сталинско-бериевской депортации 1944–1957 гг.; следом шли тяжелые годы национального возрождения. Поэтому наука этих народов несколько отстала в вопросах изучения своего <...> нартского эпоса. Это отставание позволило отдельным кавказским нартоведом проявлять скептическое отношение <...> к ингушскому нартскому эпосу, который они стремились зачислить в периферию общекавказской Нартиады» [Дахкильгов 2012: 385].

Всем известны слова Л.П. Семенова, о том, что «Санибанское ущелье, по ингушским преданиям, считается родиной ингушских нартов и самих ингушей» [Семенов 1963: 27]. Исследовате-

ли обычно делают акцент на сочетание «ингушских нартов», упуская при этом более значимую часть — «родине <...> самих ингушей». А ведь Л.П. Семенов прямо говорит, что Саниба — родина ингушей, являющаяся центром ингушских обществ. Сами жители селения Саниба называют «некоторые надземные склепы «ингушскими» [Семенов 1963: 28].

В. Кобычев определяет период иранизации ущелий восточной части Северной Осетии XIV–XVIII веками. М. Туганов отмечает, что «до прихода осетин в указанных ущельях (Санибанское, Даргавское, Кобани) жили ингуши» [Туганов 1977: 54, 55]. О том, каким образом «окультуривалась» новая территория, красноречиво говорится в Отчетной записке экспедиции 1882 г. по исследованию склепов в с. Гизель (Глазалтле) Г. Хатисяна. [Козьмин 2005: 76] «Присутствовавшие при осмотре мною этой гробницы осетины и несколько тагауров <...> сообщили, <...> что, по народному преданию, их страна, т.е. Тагаурская Осетия, когда-то, в очень отдаленные времена, находилась во владении кистин (ингушей. — *А.Д.*). Причину подобного разнообразия состояния трупов местные жители объяснили тем, что в прежние времена <...> этими древними гробницами пользовались для хоронения там своих покойников, выбрасывая оттуда старые и очищая, таким образом, место для новых трупов» [Газигов 2002: 49]. Эти свидетельства подтверждают иронское происхождение памятников материальной культуры на территории современной Осетии и соответственно неместное происхождение самих иронов.

О том, каким образом ироны оказались на Кавказе, повествуется в осетинском предании, зафиксированном Л.П. Семеновым: «Ингуши некогда жили в Куртатинском и Даргавском ущельях. Под натиском осетин, сражавшихся под предводительством легендарных героев Тага и Курта, и кабардинцев, надвигавшихся на ингушей с плоскости, последние отступили на восток — сначала в Санибанское ущелье, затем, через Чми, на правый берег Терека» [Семенов 1963: 27]. Судя по генеалогии Тага и Курта (в этническом плане являвшимися не иронами), время их проживания относится к рубежу XVI–XVII веков. «Важным для нас является и тот факт, что в преданиях и легендах иронов не за-

фиксируются исторические события, происходившие в этих местах в докуртовские времена, кроме заимствованного у дигорцев и ингушей нартского эпоса. <...> Есть все основания считать, что в долинах рек Фиак и Газал до осетин, т.е. до Курта и Тага, проживали предки ингушей» [Газигов 2002: 49].

О том, что в работах осетинских ученых (в основном Блиева и Бзарова) «концепция моноцентричности возникновения нартского эпоса приобретает еще более утрированный характер», пишет А.Ю. Скаков. Отказ от пришлости иронов, путем доказательства «их автохтонности, сохранив при этом их престижных предков», как считает ученый, «безусловно, лежит в сфере не науки, а политики». Как видим, А.Ю. Скаков отмечает превращение аланства и нартведения в Осетии из сферы науки в политику [Скаков 2010: 53–54].

Таким образом, Санибанское, Куртатинское и Даргавское ущелья, т.е. практически вся современная горная Осетия, в недавнем историческом прошлом являлась ареалом проживания ингушских обществ. Факт принадлежности данной территории предкам ингушей имеет многотысячелетние корни, ведь нартские предания на Кавказе, как выразился М. Базоркин, создавались народом тысячелетиями [Базоркин 2002: 42].

Следует признать тот факт, что «ингушские нартские сказания донесли до нас то время, когда они бытовали в ингушской среде в Санибанском, Куртатинском, Даргавском, Цейском ущельях». Если учесть при этом, что «Двалетия осваивалась осетинами в золотоордынский период, путем ассимиляции местного родственного ингушам в этническом плане населения (Гамрекели, Очиаури), которые во времена Багратиони пережиточно сохраняли свой родной язык» [Дахкильгов 2012: 385, 419], становится ясной предложенная Е.И. Крупновым связь трех культур — кобанской, колхидской и прикубанской — в сотворении нартского эпоса, создателями которого был единый в этноязыковом плане этнос Кавказа до тюрко- и ираноязычия. К осетинам же нартские сказания попали именно через ассимилированных ингушей, которые «не забыли свои староингушские нартские сказания, но рассказывать их стали по-осетински» [Дахкильгов 2012: 419].

Игнорирование кавказской основы нартских сказаний, приписывание создания нартских мотивов кочевым племенам (осколком которых являются современные осетины) заводят не только изучение нартского эпоса, но и всей истории Кавказа в тупик, приводят к дальнейшему затуманиванию сознания и противопоставлению другим осетинского народа.

Библиография

Анчабадзе З.В. Выступление на Всесоюзной научной конференции нартоведов в Сухуме, в ноябре 1963 г. «К вопросу о времени и условиях возникновения нартского эпоса» // З.В. Анчабадзе. Избранные труды. Сухум, 2011. Т. II.

Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002.

Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. Назрань, 2002.

Гарданов Б. Рецензия на книгу В. Абаева «Нартовский эпос» // СЭ. 1947. № 2.

Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М., 1993.

Дахкильгов И.А. Ингушский нартский эпос. Нальчик, 2012.

Дахкильгов И.А. Боль и гордость моя — родная Ингушетия. Нальчик, 2007.

Кубанов А.Х. Ассия и Асгард на Кавказе, или по следам Т. Хейердала. М., Ставрополь, 2004.

Козьмин В. Малоизвестные окрестности Военно-Грузинской дороги. Гулетское пепелище // Об Ингушетии и ингушах. Магас; СПб., 2005. Вып. 3.

Крупнов Е.И. Древняя история Кабарды. Нальчик, 1952.

Крупнов Е.И. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа // Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953.

Крупнов Е.И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.

Мужухоев М.Б. Нарты, аланы, вайнахи. Назрань, 1996.

Отчетная записка экспедиции 1882 года по исследованию кавказских пещер Гавр. Хатисяна. 4. 11. О раскопках древних могил // Архив ИИМК (Санкт-Петербург). Ф. 3. Д. 589. Л. 18 об. // Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. Назрань, 2002.

Петросян А.О. Решенные и нерешенные вопросы нартоведения // Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.

Семенов Л.П. К вопросу о происхождении осетинского нартского эпоса // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1957. Т. XIX.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические изыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963.

Скаков А.Ю. К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. СПб., 2010.

Танкиев А.Х. К вопросу отражения в нартском эпосе сведений о древневайнахском этносе // Проблемы происхождения нахских народов / Под ред. М.Б. Мужухоева. Шатой, 1991.

Туганов М. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977.

Чичеров В.И. Некоторые вопросы теории эпоса и современные исследования нартских сказаний осетин // Известия АН СССР. 1952. Вып. 5.

Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2007.